

Загоскин Михаил Николаевич

Вечер на Хопре

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Вечер на Хопре / Загоскин Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 114 с.

ISBN 978-5-519-85467-2

ISBN 978-5-519-85467-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

заколдованномъ домѣ,—такъ прозвала каменные палаты Ивана Алексѣевича сестра городничаго, дѣвица среднихъ лѣтъ, съ лицомъ нѣсколько уже поблекшимъ, но съ юной душою и сердцемъ отменно романтическимъ: одна она выписывала изъ Москвы всѣ романы знаменитой Радклифъ и первая извѣстила сердобкихъ жителей о существованіи госпожи Жанглисъ. Вы не можете себѣ представить,—говорила она мнѣ однажды, —какой ужасъ наводитъ на всѣхъ этотъ старый домъ, которому не достаетъ только башенъ и подъемнаго моста, чтобъ походить совершенно на Удольфскій замокъ, или Грасфильское аббатство. Если бъ вы знали, сколько рассказываютъ о немъ чудныхъ и страшныхъ повѣстей. Говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ, прежній помѣщикъ держалъ въ немъ разбойничью пристань; что глубокіе погреба подъ этимъ домомъ завалены человѣческими костями; что по ночамъ происходятъ въ немъ необычайныя явленія; слышенъ громкій стонъ, и хотя капитанъ-исправникъ увѣряетъ, что будто бы это воетъ вѣтеръ по узкимъ коридорамъ и переходамъ, которыхъ понадѣлано въ домѣ великое множество, но онъ говоритъ это потому, что живетъ въ ладу съ Асановымъ. Покойная моя матушка рассказывала мнѣ преужасную исторію объ этомъ домѣ; странно только, что я почти совсѣмъ ее забыла, а, кажется, это не такъ давно; правда, я была тогда еще совершенно ребенкомъ, и какъ помню, такъ перепугалась, что не могла заснуть всю ночь. Въ этомъ рассказѣ есть разбойники, мертвецы и какой-то ночной поѣздъ! Матушка божилась мнѣ, что это—не сказка, а былъ, и что во всемъ здѣшнемъ уѣздѣ нѣтъ ни одного старика, который не зналъ бы этой повѣсти со всѣми ея подробностями. Говорятъ также, что будто бы отъ времени до времени то же самое, что случилось нѣкогда ночью въ этомъ нечистомъ и заколдованномъ домѣ, повторяется и теперь, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній помѣщикъ переѣхалъ въ него жить.

— А развѣ до Ивана Алексѣевича Асанова никто въ немъ не жилъ?—спросилъ я сорокалѣтнюю сестрицу городничаго, которая такъ еще недавно была ребенкомъ.

— Да, никто. Лѣтъ двадцать сряду всѣ двери и окна наглухо въ немъ были заколочены.

— Ну, жаль, что Иванъ Алексѣвичъ незнакомъ со мною, — думалъ я, очень часто слушая всѣ эти рассказы и толки. Стыдно признаться, а грѣхъ утаить, я всегда былъ смертельный охотникъ до страшныхъ исторій, и не только вѣрю, но даже не сомнѣваюсь въ существованіи колдуновъ, привидѣній и мертвецовъ, которые покидаютъ свои могилы, такъ же какъ и огненныхъ змѣевъ, которые летаютъ къ деревенскимъ вдовушкамъ, и разсыпаясь надъ кровлями избъ, являются къ намъ въ видѣ покойниковъ, о которыхъ онѣ тоскуютъ. Я скорѣе усомнился бы, что Кіевъ былъ столицею великаго князя Владимира, чѣмъ повѣрю, что въ немъ никогда не жили вѣдьмы, и признаюсь, пѣническій Днѣпръ потерялъ бы для меня большую часть своей прелести, если бъ я не вѣрилъ, что русалки и до сихъ поръ выходятъ изъ лѣсовъ своихъ поплескаться и поиграть, при свѣтѣ луны, въ его чистыхъ струяхъ; что онѣ, какъ рассказывать одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

То въ восторгъ юной радости
Будятъ пѣснями берега;
Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
Ловятъ мѣсяца рога
На пучинѣ серебристые.
Или плескомъ быстрыхъ рукъ
Брызжутъ радуги огнистыя,
Рѣзвятся въ волнахъ — и вдругъ
Утопаютъ, погружаются
Въ свой невидимый чертогъ...

Не могу описать, какое неизъяснимое наслажденіе чувствую я всякій разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа ученые, эти холодные искатели истины, эти Оомы невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ и что можно однимъ словомъ изуродовать человѣка, смѣются надъ моимъ легковѣріемъ: — я не промѣняю на ихъ сухіе ма-

тематическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ, мои дѣтскіи, но игривыя и теплыя мечты. Одно только меня всегда огорчало: несмотря на русскую пословицу, что на охотника звѣрь бѣжитъ, во всю жизнь мою не удалось мнѣ видѣть ничего чудеснаго, и даже всѣ колдуны, съ которыми я встрѣчался, какъ будто на смѣхъ, были самые обыкновенные обманщики и плуты. Я навѣрное знаю, что многіе, смотря въ два зеркала, поставленные одно противъ другого, видятъ и Богъ вѣсть что; а я смотрѣлъ однажды до тѣхъ поръ, пока мнѣ сдѣлалось дурно и въ глазахъ позеленѣло, а не видѣлъ ничего, кромѣ безконечной перспективы и какого-то туманнаго пятна, которое, какъ открылось послѣ, было ничто иное, какъ простое черное пятно на зеркалѣ. Ужъ, я ли, кажется, не старался все испытать! Года два тому назадъ, ходилъ въ Ивановъ день ночью въ лѣсъ подкараулить, какъ цвѣтетъ папортникъ; но когда время стало подвигаться къ полуночи, на меня напалъ такой страхъ, что я пустился бѣжать безъ оглядки, и хотя слышалъ позади себя необычайный шумъ и свистъ, но не могу сказать навѣрное, нечистая ли сила это проказила, или просто гудѣлъ вѣтеръ по лѣсу. Въ другой разъ, когда я жилъ еще въ степной моей деревнѣ, я рѣшился итти въ полночь на кладбище. Авось,—думалъ я,—хоть одинъ мертвецъ вылѣзетъ изъ своей могилы прогуляться по церковному погосту — и въ самомъ дѣлѣ, когда я подошелъ къ кладбищу, то увидѣлъ между могилами что-то похожее на мертвеца въ бѣломъ саванѣ. Ахъ, какъ забилося мое сердце отъ страха и удовольствія. Какимъ пріятнымъ холодомъ обдало меня съ головы до ногъ, какъ подкосились подо мною колѣни! И теперь вспомнить не могу безъ восторга объ этой ужасной и восхитительной минутѣ. Крестясь и творя молитву, я пустился бѣжать домой, бросился на свою постель, и всю ночь то бредилъ какъ въ горячкѣ, то дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.—И такъ,—думалъ я, задыхаясь отъ радости,—этотъ безвѣстный міръ существуетъ въ самомъ дѣлѣ; мертвецы бродятъ по ночамъ около могилъ; души усопшихъ посѣщаютъ землю, и все то, что

господа педанты называютъ суевѣріемъ, обманомъ, бѣлою горячкою—есть истина. И что жъ, любезные читатели, какъ вы думаете, чѣмъ все это кончилось? На другой день я сталъ рассказывать о своемъ приключеніи бурмистру моему Ѳедоту; этотъ негодяй засмѣялся и сказалъ мнѣ:—„вы напрасно изволили перепугаться, сударь; вѣдь это шатался по кладбищу староста Тихонъ; онъ боленъ горячкою и прошлую ночь выбѣжалъ изъ избы въ то время, какъ всѣ спали“.—Какъ!—вскричалъ я, — такъ это былъ не мертвецъ?—„И, батюшка баринъ“,—отвѣчалъ Ѳедотъ, скривя свою безобразную харю,—„какіе нынче мертвецы! Вѣдь въ старину народъ былъ глупъ:—всему вѣрили, а теперь и малаго ребенка не испугаешь этими бабьими сказками“. Бабьими сказками!!.. Вся кровь моя взволновалась, я затопалъ ногами, закричалъ — и если бъ этотъ вольнодумецъ Ѳедотъ не ушелъ изъ моего кабинета, то непременно вдѣпился бы ему въ бороду. Да и какъ было не взбѣситься? Подумаешь: Господи Боже мой! Добро бы въ Петербургѣ или въ Москвѣ, а то въ деревняхъ ужъ стали умничать!

Послѣ всего сказаннаго мною, читатель можетъ себѣ представить, желалъ ли я познакомиться съ Иваномъ Алексѣевичемъ Асановымъ; но никто, даже самъ капитанъ-исправникъ, не брался привести меня къ нему въ деревню, и я начиналъ терять ужъ всякую надежду, какъ вдругъ однимъ утромъ, проходя базарную площадь, увидѣлъ, что кто-то ѣдетъ въ дорожной коляскѣ; глядь поближе—старинный мой пріятель и сослуживецъ, Заруцкій. Мы вскрикнули оба въ одинъ голосъ, экипажъ остановился, Заруцкій изъ него выскочилъ, и пошли разспросы:—„откуда Богъ несетъ?“

— Въ деревню, къ дядѣ. А ты какъ здѣсь?

— По дѣламъ.

— Поѣдемъ вмѣстѣ со мною. Я познакомлю тебя съ дядюшкою: онъ старикъ предобрый.

— Нѣтъ, милый, не могу; мнѣ надобно много еще хлопотать по моему дѣлу.

— Поѣдемъ, братецъ, вѣдь это близехонько верстахъ въ двадцати отсюда, на Хопрѣ...

— Верстахъ въ двадцати!.. На Хопрѣ?.. А какъ зовутъ твоего дядю?

— Иваномъ Алексѣвичемъ...

— Асановымъ?

— Да.

— О! если такъ... ѣдемъ, мой другъ!

— Ты знакомъ съ нимъ?

— Нѣтъ, но я такъ много о немъ слышался... Подожди! я сейчасъ заверну домой, возьму съ собой узелокъ, прибѣгу назадъ, и катаемъ!

Какъ сказано, такъ и сдѣлано—черезъ четверть часа я сидѣлъ ужъ подлѣ Заруцкаго въ вѣнской его коляскѣ, которая, покачиваясь на гибкихъ рессорахъ, понеслась, какъ изъ лука стрѣла, по кочкамъ и колеямъ проселочной дороги. Сначала ретивые кони рвались одинъ передъ другимъ; но, пробѣжавъ верстъ двадцать, стали призадумываться, и, наконецъ, поднявшись съ трудомъ на крутую гору, пошли смиреннымъ шагомъ. Вокругъ насъ виды были довольно пріятные: съ лѣвой стороны разстилались золотистыя поля, на которыхъ кой-гдѣ разбросаны были запоздалыя копны сжатого хлѣба; съ правой—тянулся густой лѣсъ, и отъ времени до времени вдали, сквозь широкія просѣки, свѣтлѣлись голубоватыя воды живописнаго Хопра. Пока усталые кони, идя шагомъ, отдыхали, Заруцкій рассказывалъ мнѣ про настоящее свое житье-бытье; про сельскія хлопоты, хозяйство и, наконецъ, про пламенную любовь свою къ какой-то сосѣдкѣ, молодой вдовушкѣ, „которая“,—говорилъ мой пріятель, вздыхая и закуривая четвертую трубку,—„покаялась уморить меня съ тоски, и до тѣхъ поръ не давать рѣшительнаго отвѣта, пока она не износитъ полдюжины черныхъ платьевъ изъ какой-то фланели, видно казенной, потому что они другой годъ не могутъ изнашиваться, и, вѣрно, въ огонь не горятъ и въ водѣ не тонутъ.—Чтобъ поразмыкать мое горе,—продолжалъ Заруцкій,—я вздумалъ съѣздить недѣльки на двѣ погостить у моего дяди; и очень радъ, что встрѣтился съ тобою.

— Да радъ ли будетъ этому твой дядя? — прервалъ я. Мнѣ весьма пріятно съ нимъ познакомиться, но, говорятъ, онъ такой нелюдимъ...

— Да, онъ неохотно заводитъ новыя знакомства, а особливо съ нашими уѣздными дворянами. Они такіе чопорные, считаются визитами, а онъ — человѣкъ старый, любитъ покой, и больно тяжель на подъемъ. Ты—дѣло другое, ты человѣкъ заѣзжій, а сверхъ того старинный пріятель и сослуживецъ его племянника, котораго онъ любитъ, какъ сына родного; да, правда, и я его очень люблю.

— Скажи, пожалуйста, что ему за радость жить въ этой глуши?

— У него есть на то свои причины.

— А напримѣръ?

— Это цѣлый романъ, мой другъ. Прежде всего надобно тебѣ сказать, что, во время оно, дядя мой, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ, былъ человѣкъ бѣдный; онъ не могъ даже и мечтать о наслѣдствѣ, которое досталось ему послѣ; и, въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ думать, что четверо двоюродныхъ его братьевъ, два племянника и три племянницы умрутъ въ одну недѣлю отъ чумы, которая въ 1771 году жаловала въ Москву. Деревня, въ которой живетъ теперь Иванъ Алексѣевичъ, принадлежала нѣкогда Глинскому, скупому, злему и, если вѣрить изустнымъ преданіямъ, настоящему разбойнику. У этого Глинскаго была дочь прекрасная липомъ, еще прекраснѣе душою. Не знаю, гдѣ и когда мой дядя съ нею встрѣтился, какъ познакомился съ ея отцомъ, только дѣло въ томъ, что онъ влюбился по уши въ Софью Павловну, — такъ звали дочь Глинскаго, — а на бѣду и она его полюбила. Однажды, на отъѣздѣ полъ, рыская вмѣстѣ съ отцомъ своей любезной за зайцами, дядя мой рѣшился открыть ему свою душу. Глинскій взбѣленился, осыпалъ его ругательствами, назвалъ нищимъ и объявилъ, что если онъ когда-нибудь близко подъѣдетъ къ его деревнѣ, то онъ выпуститъ на него цѣлую стаю гончихъ и затравитъ, какъ краснаго звѣря. Дядя мой уѣхалъ въ армію, дрался такъ, что Суво-

ровъ прозвалъ его чудо-богатыремъ, и проколотый на вылетъ штыкомъ въ сраженіи съ Огинскимъ при Сталовичахъ, на диво всей арміи, остался живъ, выздоровѣлъ, узналъ, что ему упало съ неба богатое наслѣдство, поскакалъ въ Сердобскъ, но было уже поздно. Софья Павловна, зачахавъ съ горя, давно покоилась на деревенскомъ кладбищѣ, а отецъ ея, спустя два мѣсяца послѣ ея смерти, сломилъ себѣ шею, травя волка. Дядя мой вышелъ въ отставку, поклялся никогда не жениться; добился, наконецъ, что ему продали эту деревню, и поселился въ домѣ, гдѣ нѣкогда жила его любезная. „Господь не допустилъ меня быть мужемъ Софьи Павловны,—Его святая воля! Но если мнѣ не суждено было жить съ нею на землѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, въ землѣ-то я буду лежать вмѣстѣ съ нею“. Такъ говорилъ всегда мой дядя, и вотъ ужъ скоро десять лѣтъ, какъ онъ живетъ безвыѣздно въ этой деревнѣ.

— О! да твой дядя человѣкъ преинтересный!—сказалъ я. Знаешь ли, мой другъ, что если бъ онъ былъ помоложе, то я бы не совѣтовалъ тебѣ рассказывать всѣмъ эту исторію... въ ней столько романическаго, что долго ли до бѣды: какъ разъ найдется новая Софья Павловна, и если ты единственный его наслѣдникъ...

— Да, мой другъ! Но дай Богъ, чтобъ я во всю жизнь мою не вступалъ въ это наслѣдство! И одинъ разъ похоронить отца родного тяжело, а дважды на вѣку остаться сиротою, не приведи Господи! Но вотъ, кажется... такъ точно! версты три, не больше, осталось. Видишь ли тамъ, вдали, дубовую рощу?.. За нею тотчасъ господская усадьба; а вонъ выглядываетъ изъ-за вершинъ деревьевъ золоченый крестъ: это—каменная церковь, построенная моимъ дядей надъ могилой Софьи Павловны.

— Ахъ, Боже мой!—первалъ я, поглядѣвъ съ ужасомъ впередъ.—Неужели мы спустимся въ эту пропасть?

— Постой!—закричалъ мой пріятель.—Въ самомъ дѣлѣ, лучше мы выйдемъ.

Коляска остановилась, и пока ямщикъ съ слугою Заруц-

каго тормозили задніа колеса, мы отправились потихоньку впередъ. Поросшій частымъ кустарникомъ оврагъ, черезъ который шла дорога, дѣйствительно походилъ на какую-то пропасть или ущеліе, на днѣ котораго журчалъ мутный потокъ. Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ выше и утесистѣе становились его песчаные скаты, изрытые глубокими водопромоинами; дорога, идя сначала прямо, вдругъ круто поворачивала налѣво и, огибая небольшой бугоръ, спускалась къ мосту, перекинутому черезъ потокъ. Когда я взглянулъ назадъ, то мнѣ показалось, что коляска, которая полегоньку стала съѣзжать внизъ, висѣла надъ нашими головами.

— Знаешь ли, мой другъ, — сказалъ Заруцкій, указывая на бугоръ, — что этотъ холмъ, хотя и не насыпной, а можетъ назваться курганомъ: онъ весь составленъ изъ могилъ.

И подлинно, большая часть его была покрыта возвышеніями, а кой-гдѣ видны еще были полусгнившіе деревянные кресты.

— Неужели это — деревенское кладбище твоего дяди? — спросилъ я.

— Нѣтъ, мой другъ, здѣсь похоронены убитые разбойниками.

— Разбойниками? — повторилъ я, невольно поглядѣвъ вокругъ себя.

— Не пугайся, — продолжалъ мой пріятель, — это было уже давно. Въ наше время и слуха нѣтъ о разбойникахъ, точно такъ же, какъ о вѣдьмахъ, колдунахъ, мертвецахъ, домовыхъ и всей этой адской сволочи, отъ которой въ старину нашимъ предкамъ житья не было.

— Ну, это еще Богъ знаетъ! — сказалъ я сквозь зубы. — На разбойниковъ есть земская полиція...

— А на колдуновъ и мертвецовъ, — возразилъ мой пріятель, — есть управа, которую зовутъ просвѣщеніемъ.

— Охъ, ужъ это мнѣ просвѣщеніе! — прервалъ я почти съ досадою; — но дѣло не о томъ; какъ могли здѣсь продолжаться разбойники? Развѣ тутъ была когда-нибудь большая дорога? Вѣдь по проселочнымъ грабить некого.

— Большая дорога отсюда въ двухъ верстахъ. И вотъ что рассказываютъ старики объ этомъ оврагѣ: дѣдушка бывшаго помѣщика деревни, въ которую мы ѣдемъ, держалъ у себя въ дому разбойничью пристань. Это бы еще ничего: было время, что разбой, а особливо въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, назывались удалствомъ и молодечествомъ; но вотъ что было худо въ дѣдушкѣ покойнаго Глинскаго: говорятъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ самимъ сатаною, и, какъ знаменитый польскій панъ Твардовскій, закабалилъ ему навѣки-вѣковъ свою душу. Разумѣется, ему не было никакой нужды въ деньгахъ: чортъ помогалъ ему находить клады и даже иногда, шутки ради, превращалъ для него кружки изъ рѣпы и моркови въ серебряные рублевики и золотые ефимки; но онъ любилъ для забавы, какъ на охоту, ѣздить на грабежъ. Спуску никому не было: дворянъ и богатыхъ купцовъ онъ залучалъ насильно къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ по цѣлымъ суткамъ; а тамъ Богъ вѣсть что съ ними было; только говорятъ, что кто изъ этихъ невольныхъ гостей проѣзжалъ въ одну околицу, тотъ ужъ никогда не выѣзжалъ въ другую. Съ простыми людьми не церемонились: ихъ рѣзали на большой дорогѣ и бросали въ этотъ оврагъ. Впослѣдствіи добрые люди, собравъ ихъ кости, похоронили на этомъ бугрѣ. А такъ какъ прошелъ слухъ, будто бы каждый годъ ночью, на родительскую субботу всѣ эти покойники встаютъ изъ могилъ и справляютъ сами по себѣ поминки, то это мѣсто, которое слыло прежде Волчьимъ Оврагомъ, прозвано теперь Чортовымъ Беремищемъ. Все это я рассказалъ тебѣ кой-какъ, а надобно послушать моего дядюшку: вотъ ужъ если онъ примется рассказывать эти народныя сказки и преданія, такъ есть чего послушать.

— Сказки!—повторилъ я съ нетерпѣніемъ.—Почему же сказки? Охъ, вы, умницы! Слушай васъ, такъ ничему вѣрить не станешь.

— Да неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, вѣришь этимъ бреднямъ?

— Эхъ, братецъ! Да что мы знаемъ? Мы не видимъ далѣе

своего носа, цѣлый вѣкъ играемъ въ жмурки, а говоримъ утвердительно: „это—вздоръ! это быть не можетъ! это—противно здравому смыслу!“ А что такое нашъ здравый смыслъ? Сбивчивыя соображенія, темныя догадки, какой-то слабый свѣтъ, который иногда блеснетъ въ потемкахъ, какъ-будто бы нарочно для того, чтобъ послѣ намъ еще сдѣлалось темнѣе. Не трудно говорить: „я не вѣрю этому!—а прошу мнѣ доказать, почему и я не долженъ вѣрить тому, что кажется тебѣ невѣроятнымъ? Нѣтъ, Заруцкій, я еще не знаю, кто болѣе ошибается, тотъ ли, кто вѣритъ всему безъ разбора, или тотъ, для котораго все то вздоръ, чего нельзя изъяснить одними физическими законами природы.

— Знаешь ли, мой другъ,—прервалъ Заруцкій,—что ты непременно понравишься моему дядѣ. Онъ такъ же, какъ ты, готовъ разсердиться, если его станутъ увѣрять, что души умершихъ не являются никогда живыми, и расскажетъ тебѣ сейчасъ двадцать случаевъ, доказывающихъ противное. Но вотъ ужъ коляска наша вѣхала на гору. Не знаю, какъ ты, а я очень усталъ. Сядемъ!

Когда мы проѣхали дубовую рощу, то каменные палаты Ивана Алексѣевича Асанова открылись намъ во всемъ своемъ угрюмомъ величїи. Онѣ стояли посреди большого двора, заросшаго крапивою. Главный ихъ фасадъ въ тридцать узкихъ оконъ, съ широкими простѣнками тянулся поперекъ всего двора; парадный подъѣздъ съ тяжелымъ навѣсомъ на четырехъ деревянныхъ столбахъ былъ пристроенъ къ срединѣ дома, позади котораго большой плодовый садъ спускался по отлогому скату до самаго Хопра; противъ самыхъ воротъ на широкомъ лугу стояла высокая каланча съ выкинутымъ флагомъ и огромными часами.

— Ого!—сказалъ Заруцкій, когда мы подъ громкій лай полдюжины датскихъ и лягавыхъ собакъ вѣхали на дворъ,—да у дядюшки, видно, гости; дормезъ, бричка и, кажется,—такъ точно!—щегольская телѣжка сердобскаго исправника. Тѣмъ лучше—намъ будетъ весело.

Двое дюжихъ лакеевъ не роскошо, но опрятно одѣтыхъ